ЖУРНАЛИСТИКА

...Библиографическая хроника «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩» начинается кратким вступлением, в котором редакция излагает правила, которыми она намерена руководствоваться при разборах сочинений:

«1) Не предписывать никому своих законов и не подводить подлежащего разбору ни под какую исключительную идею, если она чужда автору;

2) Отдавать должную справедливость всякому добросовестному труду и, указывая на связь его с предшествовавшим в той же области, оценивать достоинство преимущественно по цели или намерению автора;

3) Стараясь *угадывать* и пояснять современные потребности относительно науки и искусства, *не выдавать своих мнений об этом за непреложные и помнить, что большая часть человеческих истин — относительны и что это самое обязывает всякого судью быть снисходительным;*

4) Отдавать отчет только о тех произведениях литературы, которые, по нашему убеждению, действительно заслуживают внимания как полезные труды или как явления, в каком-нибудь отношении примечательные».

Из этих правил уже ясно видно, что критика «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩» будет самая кроткая, самая невинная, самая снисходительная из критик. И в самом деле, в этой же книжке, обозревая журналы, эта кроткая и снисходительная критика отзывается с равною похвалою о «Современнике» и «Сыне отечества», об «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения». Эта милая критика желает быть со всеми в ладу и заслужить от всех лестное название *благонамеренной* критики. Она с похвалою

отзывается и о «Трех странах света» (за что́

долг вежливости заставляет нас поблагодарить ее) и о повести г. Масальского: «Лейтенант и поручик 1710 г.».

«Сын отечества» также не отставал в деятельности от прочих журналов, и между статьями, помещенными в вышедших до сих пор книжках, можно указать на повесть К. П. Масальского «Лейтенант и поручик 1710 года, быль времен Петра Великого». «Повесть эта, — говорит «С⟨еверное⟩ обозрение)», — *не отличаясь блестками тогдашнего разговорного языка,* которые придают столько колориту повестям Н. Б. Кукольника, взятым из времен Петра Великого, знакомит, однако, читателей *очень удовлетворительно* (едва ли?) с русским бытом в восемнадцатом столетии».

О «Трех странах света» «С⟨еверное⟩ о⟨бозрение⟩» выразилось с необыкновенною грациею. Мы не можем удержаться, чтобы не выписать здесь этих грациозных и лестных для нас строк:

«Видимое присутствие в некоторых местах романа женского эстетического чувства и женского пера заставляет предполагать, что имя Н. Н. Станицкого —псевдоним, под которым скрывается новая русская писательница, явление отрадное и приятное на широкой улице нашей литературы. *От души желаем, чтобы и на дальнейшей прогулке башмачки прекрасной знакомой незнакомки сохранили свою художественную чистоту и прелесть.* Впрочем, мы ничего не утверждаем; мы только догадываемся и желаем новых успехов».

Легкость, игривость и остроумие прежних

фельетонов Жюль Жанена решительно свели с ума доморощенных фельетонистов, и они взапуски друг перед другом стараются быть остроумными, легкими и игривыми. «Летние петербургские увеселения» описываются в «С⟨еверном⟩ о⟨бозрении⟩» в виде повести; и что это за повесть!

Вот образчики этой легкости и этого остроумия:

«— Ты неуч, — остроумно заметил Петр Иванович, — ты только и смекаешь с утра до вечера играть в орлянку и воровать у меня гроши... *Смотри, я за это сам с тобою скоро сыграю в „неприятности"...*

— А что, милая Ольга Герасимовна, если, избави бог, вы ограбите у меня десятины-то, пожалуй, я тогда пожелаю с вами и породниться.

— Ну, уж тогда *атанде!* — отвечала Ольга Герасимовна, — тогда я отдам свою Аделину за какого-нибудь

полковника; а вот если вы нас обидите, тогда, пожалуй, благо добро не выйдет из фамилии.

— Ну, в ту пору я уже сама скажу *атанде,* — отвечала мать Петра Ивановича...

И обе соседки, потолковав вдоволь о другом, расходились очень довольные собою, желая друг другу от души всякого благополучия и во всем удачи.

Петр Иванович был немножко, что называется, „того" в Аделаиду Михайловну и обещал ей по ее просьбе прислать тотчас же из Петербурга, в знак своего расположения, фунтик конфект и какой-нибудь новый ужасный роман.

Вот к каким интересным дамам собирался идти Петр Иванович. Они рисовались пред ним обе любезными и внимательными: одна *тоненькою и*

бледною, как богиня мечты, другая толстою и румяною, как богиня плодородия, **— каковы и были в самом деле, в натуре».**

Остроумный фельетонист на вопрос: «Что такое Крестовский остров?» отвечает: «Прекрасное место, только немножко болотисто и *комаристо».*

Исчисляя загородные петербургские гулянья, он упоминает о Минеральных водах и прибавляет, что там Иван Иваныч просто чудеса творит.

«— А кто это Иван Иванович? тамошний житель?

— Нет-с, Излер... „несчастных друг и друг честных людей!" Так об нем даже печатно было сказано; вместе с афишами разносили и эти стихи.

— Ах, какой *античный* человек! — вскрикнула Ольга Герасимовна...»

Из этого фельетона мы узнаем, между прочим, что в Коломне знакомые называются «всеприятелями», что там «кофе поспевает через час после обеда» и проч.

Каламбуры фельетониста «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩» отличаются необыкновенною остротою и замысловатостию, как например:

«— Ах, какой удивительный *пассаж!* — вскрикнула Ольга Герасимовна... — Да-с, и *Пассаж* у нас есть... против Гостиного двора» и проч. в этом роде.

Но все это ничего перед рассказом «Злоключения нежного сердца», помещенным во втором нумере «Северного обозрения». Рассказ этот отличается таким остроумием и таким тоном, о котором мы, право, не знаем, что и сказать. Ничего подобного мы не читывали

даже и в московских и петербургских лубочных изданиях. Герой этого рассказа называется *Печенкин,* имя его Виктор; но он сожалеет, что его не зовут *Инфортунатом;* в школе у него выросли на ногах «мозоли от коленопреклонения», уши у него были до того «тряпкообразны, что закручивались куда угодно»; его звали в школе: «башка навыворот»; он «из философии не знал ни бельмеса», а в мозгу у него был «кисель»; он сначала мечтал о «деревенских красавицах, от рыжеватых волос которых веяло коровьим маслом и которые, впрочем, не возбуждали ни его восторгУ» («С⟨еверное⟩ о⟨бозрение⟩» придерживается удивительного правописания «Библиотеки для чтения»), «ни даже уныния»; потом он «влюбился в Фанни», но «не в собачонку своего соседа», а «в знаменитую танцовщицу Фанни Эльслер» (как это мило!..), и когда приятели его узнали об этом, то сказали ему: «Ах, Печенка, догуляешься ты до ⟨девятой⟩ петергофской версты(?)...»

Неужели такого рода статейками надеется одушевить свой журнал редакция «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩»? Помещение таких статеек — мы должны сказать откровенно — не показывает большого литературного такта в новой редакции...

Кроме упомянутых нами статей, в двух книжках «С⟨еверного⟩ о⟨бозрения⟩» можно указать еще на следующие статьи: «Лопари, карелы и поморцы Архангельской губернии», «Устройство уголовных судов в Московском государстве», «Прогулка по Готскому каналу» г. Грота и «Карамзин как ценитель и переводчик Шекспира».

От «Северного обозрения» мы перейдем к другим журналам... Иногородний подписчик «Современника», доставлявший в журнал наш письма о русской журналистике, в продолжение лета был занят делом более

полезным и существенным ~ своим деревенским хозяйством, и потому он прекратил на время свои письма, которые, впрочем, вероятно возобновятся с будущего месяца. В продолжение июля и августа занимался отделом журналистики в «Современнике» один из наших сотрудников.

В VIII книжке «Современника», упомянув о «Сыне отечества», он заметил между прочим: «Я не вижу никакой надобности обращать внимание на заметки против „Современника", которые вы можете прочесть в

майской книжке „Сына отечества" (NB: вышедшей в августе)» и проч⟨ее⟩.

Здесь мы позволим себе маленькое противоречие с нашим сотрудником. Заметки эти так хороши, что мы не можем не обратить на них внимания наших читателей.

Фельетонист «Сына отечества», автор «Петербургского вестника», упомянув, что «первое полугодие для журналов наших 1849 года минуло и, кажется, безвозвратно!» (что не совсем, впрочем, справедливо в отношении к «Сыну отечества», шестая книжка которого еще не показывалась в свет), переходит потом к «Современнику» .

«В „Современнике", — говорит он, — все еще пресерьезно продолжается печатание „Писем иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике". В них журнал этот постоянно выхваляется в ущерб всем прочим журналам, преимущественно „Отечественным запискам" (?) и „Сыну отечества". Несмотря на то, что под статьями „Петербургского вестника" *подписывается имя его автора, — сего последнего*

„Современник" титулует не иначе, как «*неизвестным* фельетонистом", *будто бы* не зная, кто именно этот автор. Такой способ уклончивой антикритики очень забавен и чрезвычайно нас потешает. Однако ж, в прекращение недоумения, несколько раз (что, конечно, скучно для читателей) изъявленного „Современником", решаемся *наконец поделиться с ним библиографическим сведением о* „неизвестном" составителе „Петербургского вестника", не вдаваясь, по примеру „Современника", ни в какой ему панегирик, довольствуясь одним *фактическим* объяснением, которое, без сомнения, умерит неуместно важный тон модного журнала. Составитель „Петербургского вестника", чуждый, впрочем, малейших притязаний и авторского тщеславия, выступил на литературное поприще в 1831 году, участвовал с тех пор в *осьми* периодических изданиях, где рассеяно несколько сот его статей; напечатал, в журналах и отдельно, с десяток повестей и рассказов, два романа... третий — в настоящей книжке „С⟨ына⟩ о⟨тчества⟩" представляется благосклонному и снисходительному воззрению г⟨оспод⟩ издателей „Современника". Один из них, г. Некрасов, конечно, не забыл, в свою очередь, *благосклонного, снисходительного и одобрительного нашего отзыва, ровно девять лет тому, о первом его опыте, стихотворениях, изданных им тогда под заглавием; »Мечты и звуки",* стихотворениях, встреченных, напротив, другими критиками слишком строго и взыскательно. Если же забыл, то мы приглашаем его отыскать эту, лестную его авторскому самолюбию, рецензию, напечатанную в № 130 „Русского инвалида" 1840 года.

Винимся, мы тогда надеялись, что милый, юный поэт со временем будет писать порядочные стихи; но мысль его пронеслась через девять уже *прошедших* лет, и вот позднейшее его стихотворение, напечатанное в той же июньской книжке „Современника"—»

И вслед за этим фельетонист выписывает стихотворение «Франт», которое читатель может найти в «Модах» VI № «Современника», и, выписав его, замечает:

«Беспристрастные более „Современника", не скажем, чтоб эти стихи были из рук вон плохи; но ведь и наш Дмитрий Николаевич состряпает, отнюдь не хуже, подобные *сатирические* вирши (ниже мы будем иметь честь представить благосклонному вниманию публики поэта, который едва ли не выше их обоих). Сверх того, портрет этого „франта" решительно скопирован с самого Дмитрия Николаевича, точь-в-точь, каким изображен он в январской статье „Петербургского вестника", а всякое подражание, разумеется, бледнее своего подлинника...» и прочее.

Хотя составитель «Петербургского вестника», *чуждый, впрочем, малейших притязаний и авторского тщеславия,* торжественно объявляет нам, что он выступил на литературное поприще в 1831 г., участвовал с тех пор в осьми периодических изданиях, напечатал в журналах *с десяток* повестей и рассказов, два романа и проч. и проч., но для нас он все-таки остался и останется неизвестным, ибо у нас нет ни времени, ни охоты следить за литературною деятельности» подобных сочинителей; мы читали сочинения всех более или менее известных повествователей наших, но о повестях автора «Петербургского вестника» мы никогда еще не слыхали... Правда, несколько лет тому назад — мы это помним — вышли два романа: «Жизнь как она есть» и «Аристократка», на заглавном листке которых стояло то же имя, которое выставляется теперь под «Петербургским вестником» «Сын⟨ом⟩ о⟨течества⟩»; эти романы подали при своем выходе повод к нескольким забавным журнальным рецензиям, но тем и кончилась их известность, и если автор «Петербургского вестника» и автор этих романов одно

и то же лицо, то мы в таком случае искренно бы посоветовали ему, для собственной его пользы, не шевелить своего прошедшего...

Какая в этом польза? Для чего отравлять себя неприятным и тяжелым воспоминанием?.. Впрочем, автор «Петербургского вестника» уже 18 лет, как он сам говорит, занимается литературой... 18 лет! это не шутка...

Но как будто литературная известность приобретается годами? Можно не только 18, но даже 36 лет постоянно заниматься литературой и, несмотря на давность лет, все-таки пользоваться самою жалкою известностью, и можно с первого шага приобрести себе громкую известность и славу в литературе. Сомов (Порф. Байский) неутомимо и *притом еще добросовестно* в продолжение нескольких лет трудился на литературном поприще, но он не пользовался даже и при жизни большою известностию,

294

а теперь о существовании его решительно никто не помнит... Лермонтов же с первого появления своего в литературе сделался известным всей читающей России, хотя он участвовал не в осьми, а только в одном периодическом издании!

Фельетонист «С⟨ына⟩ о⟨течества⟩» говорит, что, верно т. Некрасов не забыл его «благосклонного и одобрительного отзыва о стихотворениях „Мечты и звуки"», но г. Некрасов,— мы в этом можем уверить фельетониста, — не помнит не только рецензий на его стихотворения «Мечты и звуки», но давным-давно забыл и о самых этих «Мечтах и звуках»; он убежден, что порядочному человеку в летах зрелых смешно

вспоминать с гордостию и самодовольствием о своих детских попытках. Фельетонист, бог знает почему, приписывает г. Некрасову шуточное стихотворение «Франт», помещенное в «отделе мод», в июньской книжке «Современника», и говорит, что он или какой-то Дмитрий Николаич (кажется, один из героев его фантазии) состряпает стишки не хуже этих... что же мудреного?.. откуда же взял г. фельетонист, что мы придаем какое-нибудь значение этим шуточным стишкам, напечатанным в «отделе мод»?.. Здесь кстати заметить, что стихотворения *Нового Поэта,* иногда печатающиеся в «Современнике», вовсе не принадлежат г. Некрасову и что этот Новый Поэт (который не желает до времени обнародовать своего имени) оканчивает в сию минуту очень замечательную поэму (написанную октавами). Герой этой поэмы — жалкий и бесталантный литературный труженик, с непомерным самолюбием, которого страсть к литературе и самолюбие доводят до помешательства... Отрывок из этой поэмы мы в скором времени надеемся представить нашим читателям.

Фельетонист находит, между прочим, странным, что в «Современнике» сделана ссылка на сочинение г. Панаева; но нам кажется, что сделать ссылку на сочинение редактора (без всяких примечаний) лучше, нежели доставлять о самом себе *библиографические сведения,* когда никто никогда и не просил автора о доставлении этих сведений; нам кажется, что сделать такую ссылку гораздо позволительнее таких нескромных отзывов о самом себе: «*я* участвовал в осьми изданиях, *я* написал с десяток повестей, *я* сочинил два романа, *я* выступил на

литературное поприще в 1831 году, *я* отозвался *благосклонно* и *снисходительно* (!) о таких-то сочинениях» и прочнее).

Но кто же этот я, говорящий о себе с такою неумеренною гордостию? кто говорит о себе так, как не позволили бы никогда сказать о себе ни творец «Истории Государства Российского», ни творцы «Фелицы» и «Бориса Годунова»?

Это автор «Петербургского вестника» и повести «Говорящий диван», в которой есть, между прочим, следующие красноречивые строки:

«...Я болен, очень болен. Пуще всего страдает бедная моя голова; кружение ее по временам невыносимо, а когда оно прекращается, настает странный шум в ушах, беспокойный и томительный. Бывают часы, когда я совершенно не владею собою...⟨...⟩

О боже! *неужели рассудок мой действительно помрачился* и слышимое мною я должен принимать за действие воображения, расстроенного долговременным одиночеством и мрачными созерцаниями в тишине бессонных ночей?.. Ах, правда, *нет уже в мыслях моих прежнего порядка, прежней свежести и отчетливости!. Они бродят, словно в тумане каком.* Но я еще довольно определительно сознаю свои прошедшее и настоящее; воспоминания восстают передо мною в строгой логической последовательности совершившегося; в будущем я не предаюсь ни юношеским обольщениям, ни болезненным грезам, а между тем у изголовья моего происходит что-то невероятное, неправдоподобное, сверхъестественное, *отвергаемое рассудком и здравым понятием.…»*

Это место нам очень нравится, и мы не можем не отдать справедливости автору этой повести в том, что его умалишенный говорит языком красноречивым и грамматически правильным.

От «Сына отечества» и его неизвестного фельетониста мы перейдем к «Москвитянину», который, если не ошибаемся, все еще издается г. Погодиным. Упоминая в прошлой книжке «Современника» об этом журнале, сотрудник наш выразился так: «„Москвитянин” становится более разнообразным, и, кажется, начинает отклоняться от своего прежнего направления». Это не подвержено сомнению в том смысле, что в прежние годы «Москвитянин» имел не совсем выгодное направление для своих подписчиков опаздывать выходом и даже недодавать книжек, а в нынешнем году он изменил это направление и издается аккуратно. Кроме того, в «Москвитянине» довольно часто помещаются очень любопытные материалы для русской истории. В высшей степени любопытно «Путешествие по Пруссии гр.

296

Ростопчина» (в 15 нумере). Мы приводим здесь из записок графа рассказ о русском солдате, служившем в Пруссии:

«Сумасшедшие, отчаянные и в сильном жару люди могут иметь весьма сильное воображение, необыкновенные мысли и не свойственные уму их соображения. Мысль сия давно многим приходила, но наблюдений мало сделано. Ежедневно мы слышим влюбленных, огорченных, раздраженных или занятых сильно одним предметом людей, объясняющих свои мысли с необыкновенным красноречием и с несвойственною остротою ума — на сие я имею два доказательства: 1) собрание писем сумасшедших, в Бедламе содержанных, кои доктор сего дома давал мне читать; 2) письма солдата, который, быв русским, обманом попался в прусскую службу, и, не стерпя обид от своих товарищей, вышел из терпения, в запальчивости застрелил одного из них

и казнен смертию. В течение четырех дней, истекших между осуждения его и казни, он писал письма к родне своей в Ярославскую губернию и вверил их для доставления священнику, при Российской миссии в Берлине находящемуся. Он его провожал до места казни, и хотя тому прошло более 6 лет, но он с полными слез глазами рассказывал про твердость духа, раскаяние и конец несчастного. Когда палач хотел его поставить на колени, то он, становясь, ему сказал: „Я сам стану, что ты меня учишь: ведь я не немец!"»

В письмах его видно желание доказать свою невинность, возбудить сожаление о его участи, грусть, что умирает не на своей стороне. Вот некоторые подлинные его изречения:

«„Помолитесь господу богу о душе грешника раба Тимофея. Попался он к варварам — далеко от своей стороны; там ему и голову положить”.

„Зачем ты меня, мать родная, вспоила и вскормила? На то ль ты меня благословила, чтоб я назад не пришел?”

„Поплачьте по моей головушке, помолитесь господу богу; закажите помин по душе. Согрешил зело грешный; да кому же было меня уговаривать? кому журить, бранить? кому от дурных дел отводить?”

„Горе мне грешнику! погубил душу свою на веки веков, пролил кровь человеческую. Один на чужой стороне, некому спасти, помиловать! Идти на смерть поносную, пролить кровь русскую! Не допустил бог умереть в доме батюшкином, лечь в земле христианской, у храма пресвятыя покрова богоматери”.

„Для чего же мне ждать доброго? Служил не своему царю, не нашей матушке, она бы меня помиловала, и я бы ей был по гроб слуга. Забрел в царство немецкое, не знал покоя ни дня, ни ночушки, отправлял службу за себя и за других, говорил и их языком; одного лишь желал, и во сне и наяву, чтоб прийти назад на святую Русь. Аминь, аминь. Господи помилуй!”

Вот что писал несчастный. Он объяснял свои чувства

простым языком; но простое красноречие выразительно. *Риторика — то же, что богатое платье. На прекрасном теле все природное и чуждое искусства имеет- сильное право трогать сердце и душу: украшенное и подделанное действуют над глазами и ушьми».*

297

Эти последние, необыкновенно замечательные строки мы в особенности рекомендуем последователям риторической школы, тем, которые расхваливают сочинения гг. Марлинского, Каменского, Бенедиктова и прочих и с презрением отзываются о Гоголе...

Между «Внутренними известиями» 15 книжки «Москвитянина» мы встретили одно очень любопытное, перепечатанное из «Одесского вестника», о «пребывании князя Вяземского в Одессе». Одесский фельетонист утешается тем, что обыкновенные «одесские жары в июне нынешнего года были смягчены часто перепадавшими дождями и не были слишком отяготительны для драгоценного северного гостя», и *смеет надеяться,* что пребывание его в Одессе было «по крайней мере нескучно». В честь князя и его супруги дано «пиршество». Во время «пиршества», говорит одесский фельетонист, радушие и искренность одушевляли гостей, а профессор Зеленецкий обратился в конце «пиршества» к князю с следующими словами:

«Позвольте, князь, уверить вас, от лица всех трудящихся здесь на поприще отечественной литературы и всей одесской публики, что и в нашем городе, так же как и в Петербурге, Москве и во всех отдаленных частях России, умеют ценить и уважать заслуги людей, деятельностию своею приносящих

честь и славу имени русскому. Ваше литературное поприще, ваши труды и занятия драгоценны для нас. Мы не можем не сочувствовать, вместе с другими нашими соотечественниками, тем чувствам, думам и мечтам, *тем благородным выражениям ума светского, чисто русского,* которые в произведениях ваших питают душу каждого, кто дорожит родиной и ее заветным бытом в кругу нашей жизни.

Эти чувства, думы и мечты близки к нашему сердцу. Они дают нам право просить вас, даже, простите порыв убеждения и чувства, — *требовать* от вас полного издания ваших сочинений, которые бесспорно доставили вам одно из самых почетных мест в истории нашей литературы.

Это издание, совокупив в одно целое многочисленные произведения пера вашего, коими современные издания наши обогащались еще до эпохи 1812-го года, вполне упрочит их известность в отечественной публике, по праву займет одну из прекраснейших страниц в русской библиографии и узаконит те надежды, которые все мы,

ваши искренние почитатели, питаем, ожидая от трудов ваших, вашей вполне национальной музы новых произведений, на пользу и отраду всего пишущего и читающего мира нашего, на вашу собственную честь и славу!»

Это более красноречиво, нежели справедливо. Без всякого сомнения, князь Вяземский принадлежит к числу наших замечательных писателей, но чтобы его муза была *вполне национальна,* с этим уж никак нельзя согласиться. Вполне национальною музою можно назвать. например, музу Крылова — это другое

дело; муза же князя, по нашему мнению, более остроумна, нежели национальна.

Но как бы то ни было, нам, как, вероятно, и всем любителям русской литературы, будет приятно то, что князь Вяземский, вняв голосу многочисленных ценителей своего пера, в отдаленном от столиц крае нашего отечества, обещал издать полное собрание своих сочинений, на что он не решался до сих пор в Петербурге.

В 8 № «Отечественных записок» помещены две оригинальные статьи: повесть «Скупой», в роде так называемых психологических повестей г. Ф. Достоевского, до которых мы, признаемся, небольшие охотники, и очень миленький рассказ «Лето в Гельсингфорсе», отличающийся более живостию изложения, нежели *психологическим проникновением в глубь человеческой натуры.* Нельзя также не обратить внимания на прекрасную статью в «Критике» об «Одиссее», по поводу перевода г. Жуковского, о котором мы также надеемся в скором времени представить наше мнение. Кстати заметим, что мы нарочно выжидаем с печатанием этой статьи, чтобы рассмотреть разом не только перевод «Одиссеи», но и все журнальные толки, вызванные этим важным литературным явлением.